

РАЗСУЖДЕНІЕ

О Поэзіи древнихъ Евреевъ (*).

Протоіерея Афанасія Могилевскаго.

Многіе знаменитые Писатели несогласны въ мнѣніяхъ своихъ о Еврейской Поэзіи, а сіе самое привело въ страннныя заблужденія тѣхъ, кои послѣдовали имъ, разсуждая о сей матеріи. Іосифъ на многихъ мѣстахъ своей Исторіи утвердительно говоритъ, что Мойсеева пѣснь состоитъ изъ стиховъ героическихъ. Оригенъ и Евсевій придерживались тогожъ мнѣнія. Но Іеронимъ кромѣ сего спарается еще увѣрить, что Псалтирь написана стихами Ямбическими, Алкаическими и Сафическими, подобно стихамъ Пиндара, Горация и Сафо, и что нѣкоторые пѣсни впорозаконія, Исаи, книга Іова и пѣсни Соломоновы составлены изъ Гекзаметровъ и Пентаметровъ. Въ псалмахъ 118 и 144, по мнѣнію его находящіяся стихи Ямбическіе четверестопные; на противъ во 110 и 111 Ямбическіе шрестопные. Въ плачъ Іереміевомъ примѣчаетъ онъ родъ стиховъ Сафическихъ.

(*) Сіе разсужденіе извлечено изъ разныхъ комментаріевъ на книги ветхаго завіша.

ческихъ. Такъ же въ предисловіи своемъ на книгу Іова говоритъ, что начиная съ сихъ словъ, *да погибнетъ день, въ онъ же родихся*; продолжаются стихи шестистишные, со-
ставленные изъ Дактилей и Спондеевъ, куда часшію входятъ другія стопы различнаго числа слоговъ. Въ другомъ мѣстѣ книгу псалмовъ называетъ онъ сочиненіемъ, принадлежащимъ къ роду Лирической Поэзіи, такъ какъ произведенія Пиндара, Горация и Капуллы.

Но, не смотря на великую славу и глубокую ученость сего Писателя, люди, довольно знающіе Еврейскій языкъ, ни въ Псалмахъ, ни въ другихъ священныхъ книгахъ совсѣмъ не находятъ стопъ, мѣръ и родовъ Поэзіи, о коихъ онъ говоритъ. Самые ревностнѣйшіе защитники Іеронимова мнѣнія не могли ничего другаго сказать въ его оправданіе, кромѣ того, что онъ находилъ въ Псалмахъ и въ книгѣ Іова не настоящіе Гексаметры и Пентаметры, или стихи Лирическіе, которые имѣли бы тѣже стопы и мѣру, какъ стихи Горация, Пиндара и другихъ; но только вѣщо подобное тому.

Ученый Скалигеръ признается, что при всемъ вниманіи, какое онъ обращалъ на Псалмы и книгу Іова, не нашелъ ни малѣйшаго слѣда стопосложенія. По чему за несомнительное полагаетъ, что языкъ Еврейскій, равно какъ Сирійскій, Арабскій и Абиссинскій не терпятъ никакого принужденія мѣры.

Мнѣніе Скалигера подтверждають многіе ученые крипики, какъ то: Каппель, Марши-

ній, Воглей, Васмуть, Пфейферъ, Гроцій и Августинъ Евгубійскій. Сей послѣдній прямо изъясняется, что Евреи не имѣють никакой мѣры, подобной стопамъ Греческихъ и Латинскихъ стиховъ. Въ пѣсняхъ ихъ находящіяся нѣкоторыя паденія, различествующія отъ обыкновеннаго печенія рѣчи прозаической, такъ же нѣкоторыя выраженія и фигуры, показывающія болѣе возвышенія и силы, нежели простая рѣчь. Такая Поэзія, по мнѣнію его, естественнѣе, величественнѣе и болѣе пристойна важности Еврейской Религіи, нежели Поэзія, ограниченная мѣрою и правилами, и мало способная выражать свободно высокія вдохновенія Духа Божественнаго.

Гомаръ въ книгѣ своей, подъ названіемъ Давидова лира, старается доказать, что стихи священныхъ книгъ весьма сходствуютъ съ стихами Греческими и Латинскими. На семъ предположеніи онъ приводитъ Еврейскую Поэзію въ правила, означаетъ стопы и опредѣляетъ роды стиховъ. Его книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой предложены правила, относительно къ количеству слоговъ и различнымъ родамъ стопъ, по сравненію оныхъ съ стихами Греческими и Латинскими; а во второй онъ дѣлаетъ приспособленіе своихъ правилъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ Св. Писанія. Сіе сочиненіе Гомара сперва отъ многихъ ученыхъ принято съ великою похвалою; но на послѣдокъ Каппель опровергнулъ оное совершенно.

Сей разумный криптикъ говоритъ, что Гомаръ полагаетъ во основаніе своего мнѣнія

такія начала, копорыя весьма трудно дока-
зашь. Во первыхъ, раздѣленіе списховъ Библей-
скихъ, какое теперь мы имѣемъ, сдѣлано ли
самыми Писателями священныхъ книгъ, или
оно есть изобрѣшеніе новѣйшихъ временъ?
Во вторыхъ, текстъ Св. Писанія дѣйстви-
тельно ли не потерпѣлъ никакого измѣненія
или отъ небрежности переписчиковъ, либо
отъ древности времени?

Между прочимъ Гомаръ пріемлетъ за пра-
вило, что *scheva* не есть гласная буква, но
только знакъ опущенія гласной при согласной
измѣняемой. Каппель опровергаетъ сіе правило,
основываясь на общемъ мнѣніи лучшихъ Еврей-
скихъ Грамматики, кои утверждаютъ, что
scheva есть дѣйствительно гласная буква
крашкая: въ противномъ же случаѣ языкъ
Еврейскій былъ бы приведенъ въ невозмож-
ность имѣть удобное произношеніе; а при-
томъ должно бы было множество такихъ ре-
ченій, кои дѣйствительно имѣютъ въ себѣ
при слога, превращающъ въ реченія двуслож-
ныя. На конецъ Каппель замѣчаетъ, что тамъ,
гдѣ мы произносимъ *scheva*, древніе, какъ по
семдесяти Переводчиковъ и Иеронимъ разу-
мѣли иногда одну, а иногда другую букву
гласную; а сіе самое служило доказатель-
ствомъ, что не лзя, по примѣру Гомара,
опредѣлить постоянное правила для такой
буквы, копорую во многихъ случаяхъ должно
произносить различно.

Другое правило, принятое Гомаромъ, со-
стоитъ въ томъ, что въ Еврейскомъ языкѣ

находятся только долгіе и краткіе слоги; но общихъ или произвольныхъ со всѣмъ нѣтъ, и что краткіе слоги никогда не дѣлаются долгими по положенію, какъ то бываесть въ стихахъ Греческихъ и Латинскихъ. По случаю сего правила Каппель даесть видѣть, что ежели бы Еврейскій языкъ уподоблялся нѣкоторымъ Европейскимъ языкамъ, гдѣ въ составленіи стиховъ долгіе и краткіе слоги употребляются произвольно; въ такомъ случаѣ правило Гомара могло бы имѣть мѣсто. Но поелику онъ сравниваетъ его съ Греческимъ и Латинскимъ, и Еврейское стихосложение основываетъ на тѣхъ же законахъ; то весьма явно самъ себѣ противорѣчитъ. Сверхъ того всѣ приспособленія Библейскихъ мѣстъ, сдѣланныя имъ къ своей Системѣ, весьма неудачны. Его стихи текутъ худо и со всѣмъ неудобны къ произношенію. И пакъ, по мнѣнію сего Критика, не возможно дать правилъ Еврейской Поэзіи, судя по малымъ и смѣшаннымъ опрывкамъ; равно какъ не могли бы мы имѣть совершеннаго понятія о стихахъ Греческихъ и Латинскихъ, когда бы не дошли къ намъ цѣлыя сочиненія въ стихахъ всякаго рода. Слѣдовательно когда Авторъ Давидовой Лиры говоритъ, что стихи, усматриваемые имъ въ Св. Писаніи, весьма между собою различны и перемѣшаны пакъ, что одинъ другому не соотвѣтствуетъ ни мѣрою, ни родомъ; то онъ самъ разрушаетъ симъ все основаніе своего сочиненія. Поелику не лзя постановить твердыхъ правилъ для Поэзіи столько произвольной и неправильной.

Другая не меньше спорная система Еврейской Поэзии предложена Авторомъ всеобщей Библиотеки. Онъ старается увѣрить, что Еврейскіе стихи должны имѣть риѣму; и вотъ его основанія: 1) Языкъ Еврейскій, подобно какъ и Французскій, не пріемлетъ сего размѣщенія словъ, которое Греки и Римляне употребляютъ въ своихъ стихахъ и въ прозѣ. 2) Имена въ Еврейскомъ языкѣ не перемѣняютъ своего окончанія во всѣхъ падежахъ обѣихъ чиселъ, и оканчиваются въ мужескомъ родѣ на *im*, а въ женскомъ на *oth*; сіе самое дѣлаетъ легкою риѣму, и вмѣстѣ предспавляетъ спрудность приводить въ опредѣленную мѣру стихи, по подобію Греческихъ и Латинскихъ. 3) Еврейскій языкъ имѣетъ гораздо большее число долгихъ, нежели короткихъ слоговъ; слѣдовательно въ ономъ весьма спрудно составлять разные споны, приличные нѣкоторымъ родамъ стиховъ Греческихъ и Латинскихъ. Чтожъ касается до риѣмъ, то оными шакъ обилень сей языкъ, что пишущему почти не можно не дѣлать оныхъ. 4) Авторъ сей системы не имѣетъ намѣренія доказывать, чтобы Поэзія древнихъ Евреевъ была довольно правильная и довольно обработанная; онъ даже не вѣритъ, чтобы она у нихъ была когда либо искусствомъ. Риѣмы ихъ, по его мнѣнію, не всегда удачны, а въ нѣкоторыхъ стихахъ и со всѣмъ оныхъ не видно; изъ чего и заключаешь, что они мало заботились о риѣмѣ, и довольствовались только однимъ сходствомъ паденія. 5) Число риѣмъ вездѣ безъ правилъ и порядка: иногда

находясь много одинакихъ, и между шѣмъ очень мало другаго рода. Мѣра стиховъ еще меньше правильна, такъ что кажется они не наблюдали никакой мѣры. 6) Въ стихахъ Евреевъ употребляются многія вольности, подобно какъ въ стихахъ Латинскихъ и Греческихъ; сверхъ того они занимаютъ еще термины и обороты изъ иностранныхъ сосѣдственныхъ нарѣчій, какъ то, изъ языковъ Халдейскаго и Арабскаго; а особливо дѣлаютъ сіе въ нѣхъ случаяхъ, когда термины Еврейскіе не представляютъ собою риѣмы, между шѣмъ какъ въ словахъ и оборотахъ рѣчи иностранныхъ находятъ оную легко. 7) Всѣ Пійшическія мѣста священнаго писанія очень легко можно привести въ риѣмы.

Такимъ образомъ сей Авторъ сдѣлалъ опытъ надъ пѣснію Мойсеевою, которую переложилъ въ стихи съ риѣмами; но въ сихъ его стихахъ не лѣзя найти ни правилъ, ни соразмѣрности. Иногда онъ прерываетъ, иногда расширяетъ, а иногда сокращаетъ Еврейскіе фразы по собственному произволенію такъ, что ежели слѣдовать его методу, то всѣ Цицероновы рѣчи можно привести въ риѣмы.

Не лѣзя отрицать того, что бы въ Пійшическихъ Библейскихъ мѣстахъ не было риѣмъ, и даже, по видимому, съ намѣреніемъ приисканныхъ: но изъ сего не слѣдуетъ еще, что бы Еврейскіе стихи были непременно въ риѣмахъ. Дабы увѣрился въ семъ, должно взять въ разсмотрѣніе шакіе стихи, коихъ окончаніе было бы совершенно извѣстно, и о коихъ бы

не можно сумнѣться, что они прерваны произвольно и не въ надлежащихъ мѣстахъ. На примѣръ, псаломъ 118 представляетъ Акроспихъ; слѣдовательно въ немъ начало и конецъ каждаго стиха извѣстны. Сей псаломъ очень длиненъ, и свойство его стиховъ безъ всякаго труда замѣшить можно, сравнивая одни съ другими. Здѣсь хотя находится довольно число рѣмъ, но совсѣмъ невидно того, что бы онѣ были приисканы и искусственны; поелику между ними нѣтъ ни порядка, ни единообразія. Въ иномъ мѣстѣ четыре или пять рѣмъ идутъ послѣдовательно, въ иномъ, двѣ или три, въ другомъ три или четыре сряду совсѣмъ безъ рѣмъ; а иногда одинъ самъ по себѣ стихъ съ рѣмою, которому никакой другой не соотносѣствуешь. И такъ, можноли такое сочиненіе называть стихами въ рѣмахъ? Плачъ Іеремѣевъ такъ же написанъ Акроспихіями, гдѣ въ нѣкоторыхъ главахъ каждый стихъ начинается одною изъ буквъ по алфавитному порядку, но и здѣсь находится такой же безпорядокъ и разнообразіе въ рѣмахъ. Изъ сего справедливо можно заключить, что ежели въ Еврейскихъ стихахъ встрѣчаются иногда двѣ или болѣе рѣмъ рядомъ; то сіе произошло по одной удачѣ и случайно, а не по искусству и съ намѣреніемъ. Пѣсни пѣсней служатъ новымъ доказательствомъ сего заключенія. Ибо и въ нихъ, хотя есть по мѣстамъ рѣмы и нѣкоторыя пріятныя паденія, но они не единообразны и разбросаны безъ всякаго послѣдовательнаго порядка.

Сверхъ того можно замѣнить, что Еврейскіе стихи долгопы весьма различной. Ибо стихи Псалма 118 и прерѣей главы Плача Іеремѣева вдвое длиннѣе, нежели стихи 110 и 111. псалмовъ. Видно такъ же, что Евреи имѣли стихи въ родѣ Акросишій, въ коихъ первая часть стиха даже до пресѣченія начиналась одною буквою, а вторая часть послѣ пресѣченія другою по азбучному порядку. Одно что можно признавъ за нѣкоторое правило въ составленіи Еврейскихъ Акросишій, есть то, что здѣсь въ каждомъ стихѣ смыслъ возвышается до пресѣченія, а оканчивается въ послѣдней части. Но какимъ бы образомъ ни оканчивался стихъ, нигдѣ нельзя найти постоянной и правильной рѣзны, которая бы могла увѣрить, что Поэзія древнихъ Евреевъ была въ рѣзняхъ.

И такъ, ежели со вниманіемъ разсмотримъ всѣ обстоятельствова, предложенныя здѣсь, относительно къ древней Еврейской Поэзіи; то кажется не лѣзя имѣть объ ней другаго понятія, какъ слѣдующее. Сущность Поэзіи, какъ извѣстно, состоитъ наипаче въ родѣ рѣчи живой, воодушевленной, патетической, украшенной счастливымъ подраженіемъ изящной природѣ, и всякаго рода фигурами смѣлыми и порывистыми. И какъ механизмъ стиха самъ по себѣ не дѣлаетъ достоинства въ Писанію; такъ равно и одинъ размѣръ стихъ не составляетъ еще Поэзіи. Такимъ образомъ говоря, что Платонъ, Флоръ, Геродотъ и другіе нѣкоторые изъ древнихъ были Писатели въ Прозѣ. Квинтилианъ сказалъ о Луканѣ, что

сей Пійтъ лучше можетъ причисленъ быть къ числу ораторовъ, нежели стихотворцевъ. *Magis Oratoribus, quam Poetis annumerandus.*

Поэзію обыкновенно раздѣляютъ на природную и искусственную. Природная Поэзія столькожъ древня, кааъ и самые люди. Разсудокъ и хладнокровіе употребляютъ языкъ простой и способъ говорить прямой; но спрасъ изъясняется съ силою и живосцію. Выраженіе спремипельное, обороты рѣчи фигуральныя, возвышенность чувствованія соопвѣстственная величію и важности предмета, составляютъ свойство природной Поэзіи, которая привела Поэзію искусственную. Сія послѣдняя выражаетъ спрасъ и чувствованія съ шолікоюжъ силою и живосцію, какъ и природная Поэзія; но она ищетъ для сего словъ и выраженій отборныхъ, даетъ имъ нѣкоторый правильный размѣръ и паденіе пріятное. Вотъ все, чѣмъ различаются между собою та и другая. Можно сказать, что первая слѣдуетъ одному шолько вдохновенію пламеннаго чувствованія; а другая сверхъ шого руководствуется еще размышленіемъ и правилами.

Всякій народъ и всякая страна, такъ же каждый шемпераментъ и каждая спрасъ имѣетъ особенное свое краснорѣчіе и свою Поэзію природную. Негодованіе, гнѣвъ, радость, печаль, ненависть и любовь изображаются всегда способомъ живымъ и разительнымъ. Размышленіе и искусство идушъ уже по ихъ слѣдамъ. Природа первая начертываетъ

то, что искусство старается представить въ совершенствѣ изящнаго.

Поелику Поэзія и музыка у древнихъ составляли почти одну науку, и у нихъ не было ни одного Пѣснѣ, который бы въ то же время не былъ свѣдущъ и въ музыкѣ, опъ чего и называлось у нихъ дѣлать стихи, пѣть, а стихи назывались пѣснѣю или поэмою: по сему и о музыкѣ тоже можно сказать, что сказано о Поэзіи, то есть, что природная музыка предшествовала искусственной и произвела сію послѣднюю. Та и другая идуть къ одной цѣли, которая состоитъ въ томъ, чѣмъ выразить чувствованія души посредствомъ голоса и слова, и всѣ измѣненія оныхъ сдѣлать внятными и вразумительными для другихъ.

Можно видѣть, что прежде Мойсея были нѣкоторые оспашки сей древней природной Поэзіи, а именно въ томъ, что Ламехъ говорилъ своимъ женамъ. Быш. гл. 4. ст. 23. Въ благословеніи Ноевомъ, обращаемомъ къ Симу и Іафету, и въ проклятіи Ханаана. Быш. гл. 9. ст. 25, 26 и 27. Въ послѣднихъ словахъ Іакова къ своимъ сынамъ предъ его кончиною. Быш. гл. 29. и на конецъ во всей книгѣ Іова, ежели слѣдуя мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ предположить, что она написана прежде Мойсея. Всѣ сіи мѣста имѣють слогъ Пѣсническій, и служатъ доказательствомъ древности сей природной Поэзіи, о которой здѣсь говорится. Она вся состояла только въ образѣ изреченія, а не въ размѣрѣ слоговъ или стопъ.

Выраженія фигуральныя, возвышенныя и замысловатыя, гдѣ часпо одна и таже мысль повторається въ различныхъ оборотахъ, и гдѣ не рѣдко встрѣчаются риѣмы и согласныя паденія, но безъ всякаго приисканія; вопнъ характеръ Поэзіи древнихъ, прежде нежели она приведена въ правила.

Греки даже послѣ Гомера и Гезіода имѣли еще въ нѣкоторомъ употребленіи Поэзію природную. Діогенъ Лаерцій изреченія нѣкоторыхъ Греческихъ Мудрецовъ называетъ адоптею, то есть пѣсни. Казавбонъ увѣряетъ, что сего рода Поэзія наиболѣе существовала прежде времени Гомера. Св. Климентъ Александрійскій Еврейскіе Псалмы, въ разсужденіи ихъ слога, сравниваетъ съ нѣкоторыми пѣснями, обыкновенно употреблявшимися у Грековъ при ихъ пиршествахъ, которыя назывались у нихъ scolіа. Это были стихи вольные и неправильные, въ которыхъ Пѣицы, ни мало не заботясь о мѣрѣ стиха и количествѣ слоговъ, выражали свою мысль живо и кратко.

Не лзя сумнѣваться, что Поэзія древнихъ Евреевъ не была сего рода. Не зная искусства и правилъ, они подражали природѣ, и по одному ея вдохновенію выражали свои мысли и движенія. Они говорили и писали пѣмъ живѣе и выразительнѣе, что ихъ чувствованія не встрѣчали еще пѣхъ затрудненій, которыя не рѣдко для малозначущей правильности угашаютъ весь жаръ пламеннаго восторга. Всѣ ихъ рѣчи, пѣсни, повѣствованія, излобы, увѣщанія, наставленія, предвѣщанія

не показывающъ въ себѣ ничего искусственнаго и принужденнаго; а пошому и способъ выраженія ихъ сполько простъ и силенъ, сполько прогашелемъ и изященъ.

Въ книгахъ Св. Писанія нигдѣ не примѣтно, чшобы сія Поэзія Евреевъ получила какую либо перемѣну. Во времена Давида, Исаи, Іереміи и Даніила она всегда является таже, какъ и во время Мойсея; даже пѣсни, которыя находимъ въ Новомъ Заѡпѣ, показывающъ потъ же вкусъ. Слѣдовательно, ежели бы Еврейская Поэзія была искусственная, то могла ли бы она оспаваться въ одномъ и томъ же видѣ, безъ всякаго усовершенствованія или измѣненія, въ продолженіе болѣе пысячи лѣтъ?

Въ то время, когда Мойсей писалъ свое Пятикнижіе, Поэзія не была еще приведена въ правила ни въ какой извѣстной странѣ свѣта. Халдеи и Египтяне, самые древнѣйшіе изъ просвѣщенныхъ народовъ, въ его время не показывали еще нималѣйшаго слѣда той правильной Поэзіи, которая состоишь въ извѣстномъ числѣ стопъ, въ опредѣленномъ количествѣ слоговъ долгихъ и крашкихъ, и въ паденіи стиха единообразномъ и единозвучномъ.

Первые между воспочными народами, открывшіе искусственную риѣму, прежде времени Магомета были Арабы; но они не дѣлали различія между долгими и короткими слогами. Греки не имѣють у себя правильныхъ стихотвореній древнѣе Гезіода и Гомера, ко-

порые жили послѣ Еврейскаго законодателя, спустя болѣе 600 лѣтъ. И шакъ можно ли предполагать, чѣобы Мойсей, Іовъ и Давидъ знали правильную Поэзію, и чѣобы Піипическое искусство находилось у однихъ только Евреевъ прежде, нежели могли имѣть объ немъ какое либо понятіе другіе народы?

Сверхъ того, ежели бы древніе Евреи имѣли родъ Поэзіи, приведенной въ искусство; то почему бы не могли открыть какихъ нибудь слѣдовъ онаго въ новѣйшія времена многие ученые люди, съ шолікимъ успѣхомъ разсматривавшіе происхождение и свойство восточныхъ языковъ? Ежели бы въ книгахъ Мойсея дѣйствительно находились Героическіе стихи; то почему бы всѣ прочіе, довольно знающіе Еврейскій языкъ, не усмотрѣли оныхъ шакъ же легко, какъ шѣкоторыя не многіе Писатели думали видѣть? и ежели бы наконецъ сіи стихи имѣли какую либо правильность въ измѣреніи, въ формѣ и паденіи; то можно ли помыслишь, чѣобы до сего времени никто шого не замѣтилъ и не означилъ свойственныхъ имъ правилъ? Даже нигдѣ ни въ Еврейскихъ сочиненіяхъ, ни въ Исторіи сего народа не находятъ ни одного мѣста и ни одного слова, изъ котораго бы можно заключить, что у нихъ были Піипы по искусству и званію.

Самый способъ, какимъ производились пѣснѣи Св. Писанія, служивъ доказательствомъ противъ мнѣніи шѣхъ, кои Еврейскую Поэзію признають за искусственную. Большая

часть сихъ пѣсней сдѣланы безъ приуготовленія, и произведены чрезъ внезапное и сверхъестественное вдохновеніе, которое не оставляло нисколько времени къ размышленію о правилахъ и искусствѣ.

Обыкновенные Пѣишы, для произведенія своихъ стиховъ выжидаютъ, такъ сказать, нѣкотораго жара воображенія, который они называютъ воспоргомъ. Ибо сей воспоргъ приходитъ къ нимъ не прежде, какъ послѣ довольнаго о своемъ предметѣ размышленія, и когда уже воображеніе ихъ наполнилось многими понятіями живыхъ и образовъ поразительныхъ. Кромѣ того имъ попребно еще нѣкоторое время, чтобы свои выраженія расположить надлежащимъ образомъ, и дать имъ извѣстную форму стиха. На противъ того въ священныхъ пѣвцахъ совсѣмъ не видно сего приуготовленія; они говорятъ внезапно, и изливаютъ пламень чувствованій своихъ при видѣ самаго предмета, ихъ поразившаго. Мойсей перешедши Чермное море, въ чудесную минушу спрашнаго погруженія Фараонова, потчасъ поетъ побѣдную пѣснь; Давидъ большую часть своихъ Псалмовъ составляетъ среди гоненій и близкихъ опасностей, въ которыхъ не было времени обращать вниманіе на правила стихосложенія.

Припомъ же многія пѣсни Св. Писанія составлены или женщинами, или такими лицами, кои не знали никакого ученія, и коихъ языкъ просто послужилъ органомъ Духа Святаго. Можно ли сказать, что они нечаянно

здѣлались Пѣнцами такими какъ Пиндаръ или Горацій, и сочинили свои Поэмы въ приемахъ по правиламъ стихотворства? Анна мать Самуилова, Девора, Юдиель, Товія, Богоматерь, Захарія, Симеонъ сочинили свои пѣсни вдругъ безъ всякаго приуготовленія и науки. Слѣдовательно ихъ Поэзія сама по себѣ была природная; хотя, въ отношеніи къ Божественному вдохновенію, она была выше всякаго искусства человѣческаго. Пусть покажутъ намъ различіе между пѣснями приведенныхъ лицъ, чуждыхъ всякаго ученія, и произведеніями Мойсея, Давида, Исаи, имѣвшихъ умъ гораздо просвѣщеннѣе, и кои могли бы знать искусство стихотворенія, ежели бы оное тогда существовало. Но поелику такого различія, относительно къ наружной формѣ произведеній, не видно; то сіе самое доказываетъ, что ихъ Поэзія была дѣйствительно природная. Ибо вдохновеніе Духа Святаго хотя возвышаетъ въ человѣкѣ мысль, просвѣщаетъ, оживотворяетъ; но оно неизмѣняетъ въ немъ обыкновеннаго и употребительнаго способа слова; и какъ въ просвѣщенномъ науками оно не отвергаетъ правилъ, такъ и въ неученомъ не открываетъ знаній человѣческаго искусства, каково есть стихосложеніе. Чтожъ касается до оныхъ выраженій живыхъ, разительныхъ, возвышенныхъ, образующихъ слогъ высокой Поэзіи въ Священныхъ произведеніяхъ; то и сіе обстоятельство не трудно согласить съ нашимъ мнѣніемъ, ежели, кромѣ сверхъ-естественнаго вдохновенія, принявъ въ разсужденіе

величественность самыхъ предметовъ, и въкусъ
воспочныхъ народовъ къ изреченію пышному
и великолѣпному.

Искусственная Поэзія по самой необходимости дѣлается принужденною. Она, чтобы
привести въ извѣстную мѣру стихъ, должна
безпрестанно обременять свое произведеніе
переложеніями словъ и оборотами выраженія,
неупотребительными въ обыкновенномъ языкѣ,
а иногда, для наполненія опредѣленныхъ
пространствъ, по нуждѣ вводитъ слова из-
лишнія, растягивающія мысль; а особливо
когда стихъ не имѣетъ довольно времени обра-
ботать свой стихъ. Но въ Поэзіи Евреевъ ни-
гдѣ не видно подобныхъ затрудненій. У нихъ
непримѣнно сихъ пріисканныхъ эпитетовъ,
сихъ переложеній, запутывающихъ смыслъ,
сихъ надурыхъ перифразовъ, служащихъ не
столько къ красотѣ, сколько къ размѣру сти-
ха, какіе встрѣчаются вездѣ въ Греческихъ и
Латинскихъ Поэмахъ. Ежели находятъ ино-
гда въ выраженіяхъ ихъ обороты необыкновен-
ные; то это потому, что слогъ водушевлен-
ный, высокій и патетическій священныя
пѣсней естественнаго пріемлетъ фразы пыш-
ные и чрезвычайныя. Такой образъ рѣчи часто
придаетъ мыслямъ ихъ величіе и важность.

Способъ, какимъ Евреи поютъ въ своихъ
Синагогахъ, чипая текстъ Св. Писанія, не
есть новый, поелику самые знаки, наблюдае-
мые ими въ словахъ для возвышенія и пони-
женія голоса, принадлежатъ къ глубокой древ-
ности; слѣдовательно самая привязанность

ихъ къ сему способу произношенія есть уже не маловажное доказательство, что они придерживаются пѣнія древнихъ Евреевъ. Но какъ такой напѣвъ можетъ приличесгвовать не только сѣхамъ, но и всякой простой рѣчи; то изъ сего ничего не лзя заключить въ пользу риѣмы, или мѣры въ пѣхъ Еврейскихъ произведеніяхъ, кои у насъ называются священными пѣснями.

И такъ весьма вѣроятно, что вся Поэзія древнихъ Евреевъ заключалась только въ величіи, благородствѣ и возвышенности мысли и слога; въ выраженіяхъ смѣлыхъ, въ порывахъ живыхъ и прогательныхъ, въ оборотахъ сильныхъ и простыхъ, въ картинахъ блистательныхъ и поразительныхъ, въ цвѣтахъ, способныхъ изобразить предметъ болѣе, нежели рѣчь обыкновенная. Ихъ Поэмы представляють собою произведенія Генія счастливаго, воспламененнаго вдохновеніемъ Божественнымъ, который въ своемъ воспоргѣ паритъ свободно, не будучи окованъ узами правилъ.

Евреи никогда не любили вводить у себя что нибудь новое, и не имѣли столько тонкаго вкуса, какъ Греки и Римляне. Слѣдовательно они всегда придерживались древняго способа Поэзіи природной и простой, которую употребляли по большей части для предметовъ священныхъ, и не старались упомчашь ее искусствомъ и правилами.
